
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 913.1/913.8

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ
В XVII–XIX ВЕКАХ

© 2016 г. Александр Б. Савченко¹, Андрей И. Трейвиш²

¹Центр ситуационного мониторинга и региональных исследований РАНХиГС
при Президенте РФ, Москва, Россия

²Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: savchenko_alex@mail.ru, trene12@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.10.2016 г.

Аннотация. Показаны историко-географическая динамика и характер освоения северных и арктических территорий России начиная с XVII в. Эти территории сразу стали играть важную экономическую роль, поскольку получаемая оттуда пушнина служила источником денежных металлов. От нее, по сути, зависел бюджет страны, а успехи освоения Севера (и Востока) тогда были особенно впечатляющими. В течение всего рассмотренного трехвекового периода это освоение было самым тесным образом связано с добычей и экспортом ресурсов, определявших специализацию России на глобальных сырьевых рынках, характерных для каждой соответствующей эпохи. В статье дан обзор вклада в данный процесс каждого из трех столетий, предшествовавших советскому периоду и подготовивших советский рывок в освоении северных и арктических территорий России. Авторами также проведено сравнение историко-географических особенностей освоения арктических и северных территорий России с аналогичным процессом на севере Америки.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, глобальные сырьевые рынки, волны освоения территории, движущие силы и средства освоения территории, историко-географические тренды.

DOI: 10.7868/S0373244417030082

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES
OF THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN AND ARCTIC AREAS
OF RUSSIA IN 17–19th CENTURIES

Aleksandr B. Savchenko¹ and Andrei I. Treivish²

¹Center for Situational Monitoring and Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

²Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received October 30, 2016

The article demonstrates the historical and geographical dynamics and nature of the development of the Northern and Arctic territories of Russia from the 17th century. Soon these areas began to play an important economic role, as the furs, which was obtained there, was a source of monetary metals. In fact, the country's budget depended on the furs, and the successes of development of the North (and the East) then were particularly impressive. During the reviewed three-century period, this development was intimately connected with the extraction and export of resources, which determined the specialization of Russia in global commodity markets specific for each respective era. The article provides an overview of the contribution to this process each of the three centuries preceding the Soviet period and preparing the Soviet breakthrough in the development of Northern and Arctic territories of Russia. The authors also compared the historical and geographical features of development of the Arctic and Northern territories of Russia to the similar process in the North of America.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, global commodity markets, waves in development of a territory, driving forces and means of development of a territory, historical and geographical trends.

Постановка проблемы. Арктика и Север (как минимум, Крайний с приравненными к нему местностями) занимают две трети территории России, превышая площадь всей Канады. Населяют их 10–12 млн. чел. при плотности около 1 чел./км². По этим показателям российский Север превосходит американский на порядок, что во многом определяет его специфику и значение.

В западной литературе встречается мнение, что Север нашей страны заселен чрезмерно как следствие жестких политических установок и методов эпохи СССР [24]. Этот тезис косвенно подтверждает постсоветская динамика циркумполярных городов и районов: население большинства из них убывает [1], хотя в других северных странах обычно растет [25]. Смена тренда еще заметнее в вековой ретроспективе. Так, доля Зауралья (88% площади Севера, ибо у нас из-за климата и рельефа чем восточнее, тем как бы и севернее) в населении России постоянного территориального состава (без Крыма), по расчетам авторов, выросла с 8% в 1897 г. до 22% в 1989 г. и упала до 20% к 2016 г. Население восьми приарктических регионов страны (в Красноярском крае учтены только Таймыр, Норильск и Дудинка) с 1989 г. сократилось на 1 миллион — до 4,3 млн чел.

Специалисты связывают эту тенденцию со сменой технологического уклада, оценивая “избыток” населения по сравнению с постиндустриальным экономическим оптимумом почти в полтора раза. Отмечается достижение экологических пределов расширения даже таких традиционных отраслей, как оленеводство [6]. Анализ северной урбанизации показал, что развиваются и растут города, связанные с нефтегазовым комплексом или с постиндустриальной деятельностью, а стагнация и упадок отличают центры горнорудной, угольной и иной архаичной специализации [11].

Да и в целом все далеко не однозначно. “Градиент освоенности” между Западом Европы и Россией два тысячелетия складывался в пользу первой [19]. Зато градиент между российским и зарубежным Севером формировался и воспроизводился в пользу России четыреста лет — со времен “похода за собольим хвостом” в XVII в., т.е. первичного освоения пространства от Урала до Тихого океана.

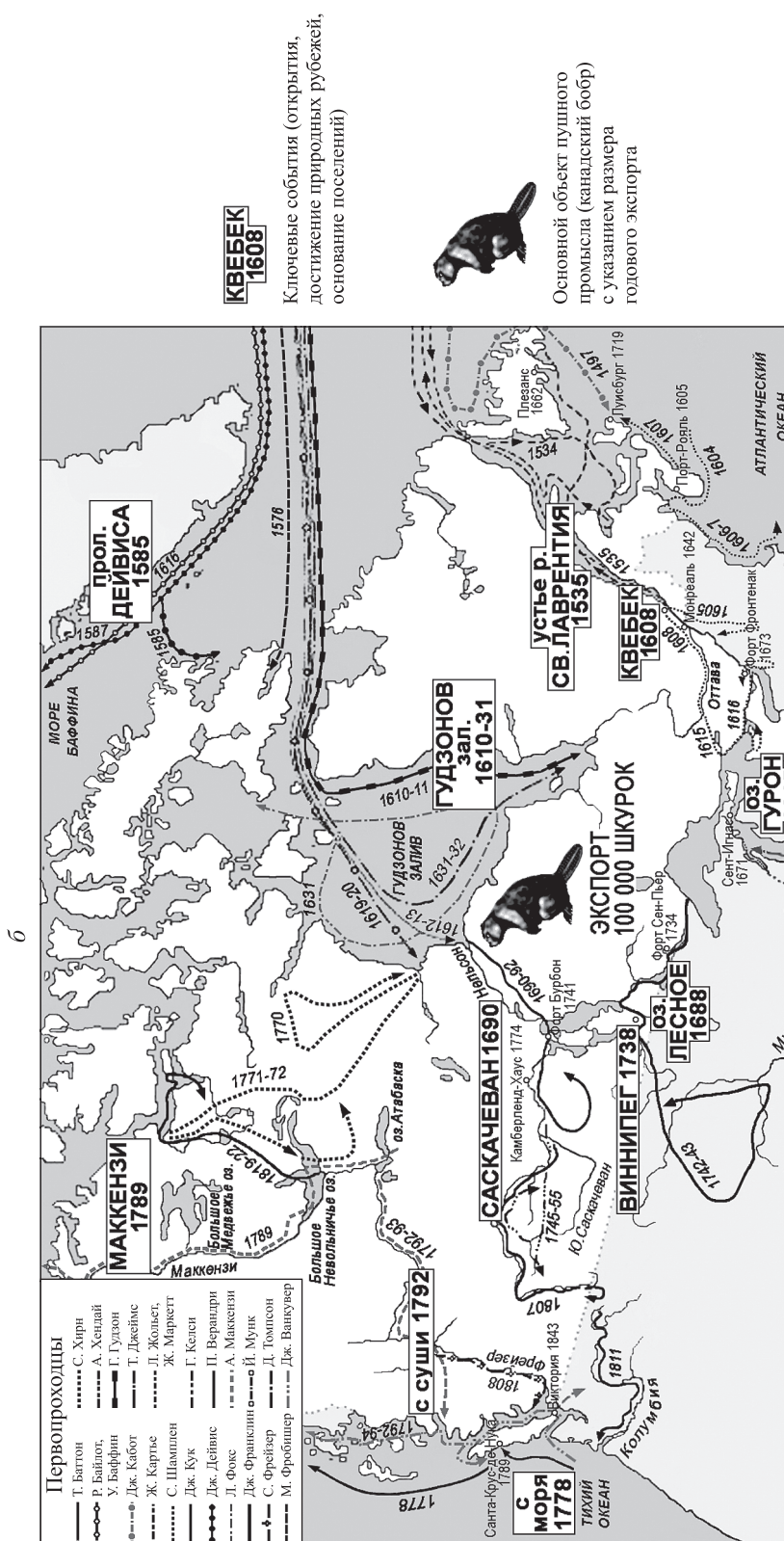
Этой и нескольким следующим волнам освоения Севера, их мотивам и движущим силам (включая внешнеторговые и притом мирохозяйственные по масштабу), скоростям и результатам посвящена данная статья. Ее основная цель — опровержение мифа об исключительно советском и “насильственном” освоении российского Севера с показом реальной исторической глубины и экономических

мотивов процесса — диктует досоветские хронологические рамки аналитического обзора. Он ведется по вековым отрезкам, с которыми более или менее совпадают сами волны освоения.

XVII век: “пушная” волна. Перипетии XVII столетия определили новые размеры и положение России на карте мира за счет присоединения просторов северной Азии и выхода к Тихому океану, фактически создали остов современной государственной территории и расселения в Сибири. Все это тесно связано с экспортом мехов, рынок которых обрел в начале XVII в. черты глобального: пушнина почти одновременно начала поступать в Европу из Сибири и из Канады.

За Камень (Урал) русские хаживали и в XV в., но главные события начались ближе к концу XVI в. с ростом обмена через англичан и голландцев русских мехов, а также “корабельных товаров” (леса, полотна) на серебро, которого в России не было. Ради этого в устье Северной Двины на месте старинного монастыря в 1584 г. был заложен Архангельск, главный морской порт допетровской эпохи, ставший как “окном в мир”, так и базой освоения Сибири со стороны северных морей. Архангельск, Великий Устюг, Вологда — родина тех первопроходцев, что открыли за полтора столетия Сибирь, Аляску и основали русские поселения на громадном пространстве от 40–50° в.д. до 135° з.д., меридиана Ново-Архангельска на алеутском острове Ситка.

Мотивом стремительного броска через Сибирь, когда за полвека были пройдены 4 тыс. км от Урала до Тихого океана (Охотск на его берегу основан в 1647 г., на 56 лет раньше Санкт-Петербурга), было именно участие России в становлении глобального рынка пушнины. Ее соперницей по сбыту мехов в Европу выступала Северная Америка, особенно Канада, где симметричный процесс “пушного освоения” шел поначалу синхронно (рис. 1). В 1535 г. француз Ж. Картье проник в устье р. Св. Лаврентия, в 1553 г. англичанин Р. Ченслор — в устье Северной Двины. Они искали северные морские пути на Восток, к пряностям и т.п. (южные пути контролировали португальцы). В середине 1580-х годов, когда воеводы Ивана Грозного строили Архангельск, а Ермак воевал Сибирь, лихой пират Дж. Дэвис вторично — после викингов — открыл Гренландию и море Баффина. В 1601 г. возникла Мангазея, пушная фактория на пороге Восточной Сибири, а в 1608 г. — ее франко-канадский собрат Квебек. Годом раньше французский король предоставил “компании Канады и Акадии” исключительное право строить поселения и торговать в бассейне р. Св. Лаврентия.

Аналогичным образом Иван Грозный еще в 1574 г. дозволил Строгановым (чей торговый дом держал приказчиков даже в Нидерландах и Бухаре) “стать городки” на Тоболе, Иртыше, Оби.

За 30 лет сибирские землепроходцы от Мангазеи на реке Таз добрались до Лены, где заложили Якутский острог, а европейцы в Канаде — только до Великих озер и Гудзонова залива. К XVIII в. русские уже промышляли на Охотском море, Чукотке, Камчатке, а пионеры Канады разведали страну лишь до середины. На тихоокеанское побережье А. Маккензи вышел по суше еще через сто лет, хотя с моря его разведали испанцы и Дж. Кук в 1770-х годах. На Аляске тогда возникали русские купеческие поселения.

Практически ту же дистанцию в таких же сложных условиях, включая нехватку рек широтного течения, что удлиняло путь, делая его извилистым, русские одолели в 3,5 раза быстрее. Им помогли готовый, смежный с новыми землями (а не заморский) плацдарм и многовековой опыт его освоения с помощью уникального комплекса технологий преодоления пересеченной лесной местности по рекам и волокам, ледового каботажного плавания, возведения деревянных построек и вообще жизнеобеспечения (выживания) в условиях Севера. Этот комплекс обеспечил стремительное продвижение и закрепление колонистов на новых землях. Как суда, в том числе морские, так и постройки, включая крепости-остроги, создавались минимальным набором инструментов из подручных местных материалов. Важно, что набором этих орудий и навыками их применения обладали массы населения, в том числе поморы (жители северных побережий Европейской России), составившие костяк первопроходцев.

В XVII в. не было недостатка в желающих переселяться на новые земли за Урал, поскольку нарастала волна крестьянских побегов в ответ на усиление феодальной эксплуатации. Заселение Урала и Сибири происходило параллельно народной колонизации так называемого Дикого поля, которое начиналось к югу от р. Ока. Массовое движение крестьян, включая беглых, за Урал (больше всего их привлекали ближайшие окраины Западной Сибири) облегчало то обстоятельство, что техника земледелия оставалась еще крайне простой и повсеместно доступной — соха, борона, серп, коса-горбуша, топор составляли основной набор орудий. Плуг был тогда редкостью и применялся в усадьбах крупных феодалов Европейской России [4].

Вершиной достижений в технологии судостроения для необжитых берегов Ледовитого океана

и впадающих в него рек были известные с XIII в. поморские кочи — суда необычной конструкции, отлично приспособленные для каботажных в высокотемпературных широтах. Об этом говорит тот факт, что вопреки запрету традиционных судов в начале XVIII в. Петром I, пытавшимся переориентировать корабелов на парусники европейских типов, поморы строили кочи и ходили на них даже в XX в.: они упомянуты в отчете о работе Архангельского порта за 1912 г. [18].

Особенностью коча был яйцевидный корпус, который льды не давили, а выталкивали наверх. Не зря в конце XIX в. Ф. Нансен придал ту же форму своему “Фраму”. При попутном ветре коч преодолевал до 250 км в сутки, мог ходить галсами и курсом бейдевинд. В безветренную погоду его передвигали с помощью весел, а по суше и льду — волоком [18].

Важную роль в освоении пушных богатств Сибири сыграло устройство летней водно-волоковой навигации между бассейнами великих сибирских рек, в том числе в направлении запад—восток. Сообщение было регулярным и интенсивным. Так, доставку хлеба, соли, военных грузов из Европейской России в бассейн Лены обеспечивали четыре регулярных каравана. Первый — от Верхотурья, где кончался Камско-Туринский волок (город считали тогда ближайшим к Москве из сибирских), до Тобольска. Второй — оттуда до Маковского острога на Енисее. Третий — от Енисейска до Илимска и далее до Усть-Кута на Лене. Четвертый караван собирался в Усть-Куте до Якутска. В середине XVII в. караваны в Тобольске, которые весной изготавливались “в Ленскую службу”, могли насчитывать по 40 с лишним дощаников — крупных плоскодонных парусно-гребных судов длиной до 20 м и грузоподъемностью до 40 т [21].

Приемы и темпы строительства, в том числе острогов, иллюстрирует пример возведения Нерчинска на юго-восточном фронте “меховой” волны освоения Сибири в XVII в. В 1654 г. в Даурии решили учредить новое воеводство — Нерчинское, на базе основанного казаками, но сожженного тунгусами острога. Наказ назначенному туда воеводе Афанасию Пашкову прибыл в Енисейск в 1655 г., и весной следующего года воевода с отрядом отправился в путь. Маршрут от опорного пункта похода, Иргенского острога, на Шилку с волоком к ее левой составляющей Ингоде был к тому времени отлично разведан. Перезимовав в Братском остроге, отряд весной 1657 г. пересек Байкал и к осени был на Иргенском озере, где поставил “острог с жилыми избами и всякие крепости учинил”. Зимой люди Пашкова рубили лес

за Ингодой “на ваш государев острог в восемь башен, а в том числе две башни с проезжими вороты”. По первой полой воде 1658 г., “остроги сплота в плоты”, отряд сплыл по Ингоде и Шилке до конечной цели, устья Нерчи. Так успешно продолжилась 360-летняя история города Нерчинска [3].

Для консолидации усилий по освоению Сибири в 1637 г. в Москве был создан Сибирский приказ — ведомство с самыми широкими полномочиями: от административных и финансовых до дипломатических и военных. На Сибирь постепенно распространялась общероссийская административная система (уезды во главе с воеводами). В “Чертежной книге Сибири” С. У. Ремезова, составленной для Сибирского приказа в 1699—1700 гг., указаны 18 уездов-земель, приписанных к определенным городам [23].

В круг первоочередных задач воевод, наряду с исправным сбором и отправкой пушного ясака (подати), входило решение транспортных задач. Непосредственно Сибирским приказом назначался и таможенный голова — должность, которую часто занимали поморские купцы. Кроме взимания таможенных сборов, этот голова мог вести снабжением населенных пунктов продовольствием, откупам и наймом проводников — “вожжей”. С 1590 г. московские власти все сношения с правителями вновь присоединенных сибирских областей осуществляли только через тобольских воевод. Тобольск стоял на главных путях в Сибирь и обратно и, помимо административных, выполнял логистические функции. В частности, он играл роль своеобразного речного адмиралтейства всего Зауралья, снабжая плотбища (речные верфи) как “своего” Обского, так и далеких Енисейского и Ленского бассейнов всем необходимым для постройки судов.

Эффективность сибирской администрации XVII в., ее соответствие местным реалиям косвенно подтверждает долголительство Сибирского приказа. После понижения в ранге до Московской канцелярии Сибирской губернии в 1711 г. его пришлось воссоздавать в 1730—1763 гг. именно как центральное государственное учреждение.

Расширение России на северо-восток облегчала геополитическая “пустота” вплоть до Амура и сферы влияния Китайской (Маньчжурской) империи. Быструю колонизацию обеспечивали государственно-частные либо частно-государственные формы освоения и обустройства новых территорий, их вовлечения в хозяйственный оборот. Государство усилиями “служилых людей” создавало опорные пункты, а экономическую деятельность вели на окрестных просторах

“промышленные и торговые люди”. Организация дальних походов в новые неведомые земли зачастую была результатом взаимодействия тех и других. А конечной целью — получение ясака в виде “мягкой рухляди” (меха) и освоение новых районов пушного промысла. В том же ряду стоял “рыбий зуб” (моржовые бивни), как товар-субститут слоновой кости, глобальный рынок которой возник в это же время [2, 4].

Сравнивая темпы продвижения первопроходцев по Сибири и Канаде в XVII и XVIII вв., необходимо учитывать, что французы и англичане имели немало других интересов по всему свету — от Индии до Вест-Индии, а для русских Сибирь была естественной и временами единственной областью экспансии. Так или иначе, две самых обширных страны современного мира — Россию и Канаду — породил процесс колонизации малолюдных северных окраин континентов в погоне за мехом, прозванным “мягким золотом”. Русские промышленники шли, прежде всего, за соболем; канадские трапперы и торговцы пушниной — за бобром.

Для сбора этих дисперсных зооресурсов путем промысла, обмена с местными племенами или взимания дани требовались колоссальные угодья. Так, плотность восстановленной популяции соболя в Сибири составляет 1—2 особи на 1000 га тайги, а допустимое годовое изъятие — около одной [9, 12]. В лучшие годы добывали 150—350 тыс. соболиных шкур в год, из которых до 3/4 шли за рубеж, где цены на них были сопоставимы с бобровыми и в разы выше куньих. В Европу меха везли через Архангельск. В середине XVII в. только русско-голландские сделки оценивались в 2 млн флоринов в год из 75—100 млн внешнеторгового оборота Республики Соединенных Провинций. Русской казне соболь давал до трети ее доходов [2, 4], пока истребление не сократило его промысел на порядок. В XVIII в. пушной экспорт России поддерживала добыча морского зверя.

Используя конъюнктуру глобального рынка мехов, геополитические и другие условия овладения солидной ресурсной базой, Россия к XVIII в. сформировала основной массив своей территории и опорный каркас расселения за Уралом, стала евроазиатской и тихоокеанской державой, частью мировой экономики. На этот гигантский шаг в территориальном развитии страны активно влиял глобальный рынок, причем влиял подчас даже на детали процесса освоения и не всегда однозначно. Так, в начале XVII в. возник “Мангазейский ход” — регулярное сообщение кочами Архангельска с Мангазеей по “Студеному морю”.

Но в 1619–1620 гг. правительство запретило пользоваться им, опасаясь проникновения в Сибирь по водным путям иностранцев [2]. С тех пор связи с Европейской Россией обеспечивали две основные сухопутные трассы через Урал. Но тем активнее развивались речное судоходство и каботаж на кочах из устьев Лены, Яны, Индигирки и Колымы, откуда вышла экспедиция С. Дежнева – Ф. Попова. Осенью 1648 г. она достигла р. Анадырь, по сути открыв пролив между Азией и Америкой. Участники похода этого не знали, хотя есть сведения, что один из пропавших кочей унесло на Аляску.

XVIII век: от “пушной” волны к “металлическим”. За пионерной волной освоения XVII в. последовали новые, связанные с подключением России к мировым рынкам “корабельных товаров”, ценных металлов, зерна и т.д. В основном “корабельные товары” вывозились из западной части страны, хотя в их круг вошло железо, а ведущим районом его выплавки стал Урал, бывший тогда и оставшийся поныне связующим звеном Европейской и Азиатской России. Удаленный от западных рынков сбыта, Урал ближе к потребителям на востоке. Он их и снабжал, обеспечивая процесс освоения территории. Но если на севере освоение оставалось “ меховым”, то южнее приобретало черты горнорудного. Промышленников привлекали разведанное в Сибири и все еще дефицитное в России серебро, другие благородные и затем цветные металлы. В XVIII в. сложились два горных округа: Нерчинский и Алтайский (Колывано-Воскресенский). Первый осваивали с 1670–1680-х годов, второй – с 1720–1730-х. Главным продуктом Сибири все же оставалась пушнина.

В XVIII в. и в первой половине XIX в. по мере оскудения пушных богатств Сибири ось территориального развития протягивалась все дальше к востоку, на освоение еще не тронутых интенсивным промыслом зверовых ресурсов островов и материковых побережий северной части Тихого океана. Главными объектами охоты были “морской бобер” (калан), котик, а также голубой песец. Морской промысел начался в 1740-х годах на Командорских островах. Оттуда, с первых зимовок, артели промышленников возвращались с грузом около полутора тысяч шкурок калана и нескольких тысяч – песцов и котиков [22].

Эта промысловая активность способствовала превращению востока Сибири из “края света” в базу освоения новых территорий и акваторий. На протяжении всего XVIII в. Российское государство вело планомерную исследовательскую

работу на северо-востоке Азии и северо-западе Америки. В 1725–1730 гг. состоялась первая Камчатская экспедиция В. Беринга. Вслед за ней началась вторая Камчатская экспедиция, развернувшаяся в Великую Сибирскую с широчайшей программой изучения Сибири, Ледовитого океана, Камчатки и всего Тихоокеанского севера. Число ее участников доходило до 600; она была разбита на отряды, каждый из которых имел свои задачи и районы работ. Общее руководство экспедицией поручалось Берингу. Ее программу удалось целиком выполнить лишь к 1743 г. В итоге был пройден и нанесен на карту в 1738–1739 гг. путь вдоль Курильской гряды от Камчатки к Японии. Впервые составлены настоящие географические карты побережья Северного Ледовитого океана, в том числе найдена крайняя северная точка континентальной Евразии – мыс Челюскин на Таймыре, названный в честь штурмана отряда. Обследованы Курильские и Алеутские острова. Наконец, в 1741 г. отряд В. Беринга достиг берегов материковой Аляски [5].

Важную роль в продолжении исследований северной части Тихого океана сыграла во многом инициированная М. В. Ломоносовым секретная морская экспедиция к Аляске в 1764–1771 гг. под командой капитана П. К. Креницына, подробно описавшая ряд Алеутских островов [10]. Это предприятие официально, для маскировки, называли “Комиссией, посланной для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в оные реки”. Но потом ее журнал, по личному распоряжению Екатерины II, был переведен с русского на английский язык и передан вместе с копией подлинной карты плавания шотландскому историку В. Робертсону для публикации в его книге “История Америки”, вышедшей в Лондоне в 1777 г. [8]. С ней не мог быть знаком Дж. Кук, но известно, что в 1778 г. русские промысловики на Алеутских островах показали ему карту экспедиции В. Беринга. Сняв с нее копию и оценив труд первопроходца, именно Кук стал называть пролив между Азией и Америкой Беринговым.

Продолжалось хозяйственное освоение Восточной Сибири, Дальнего Востока, а теперь еще и Аляски, связанное с промыслом пушных ресурсов. Расширялся рынок сбыта. С 1728 г. пограничный Троицкосавск (ныне Кяхта) стал главным пунктом торговли с Китаем: русские меха и кожи, железо и полотно обменивались на китайские чай, шелк и фарфор. Меновой характер этой торговли был обусловлен стремлением китайской стороны избежать отрицательного торгового баланса

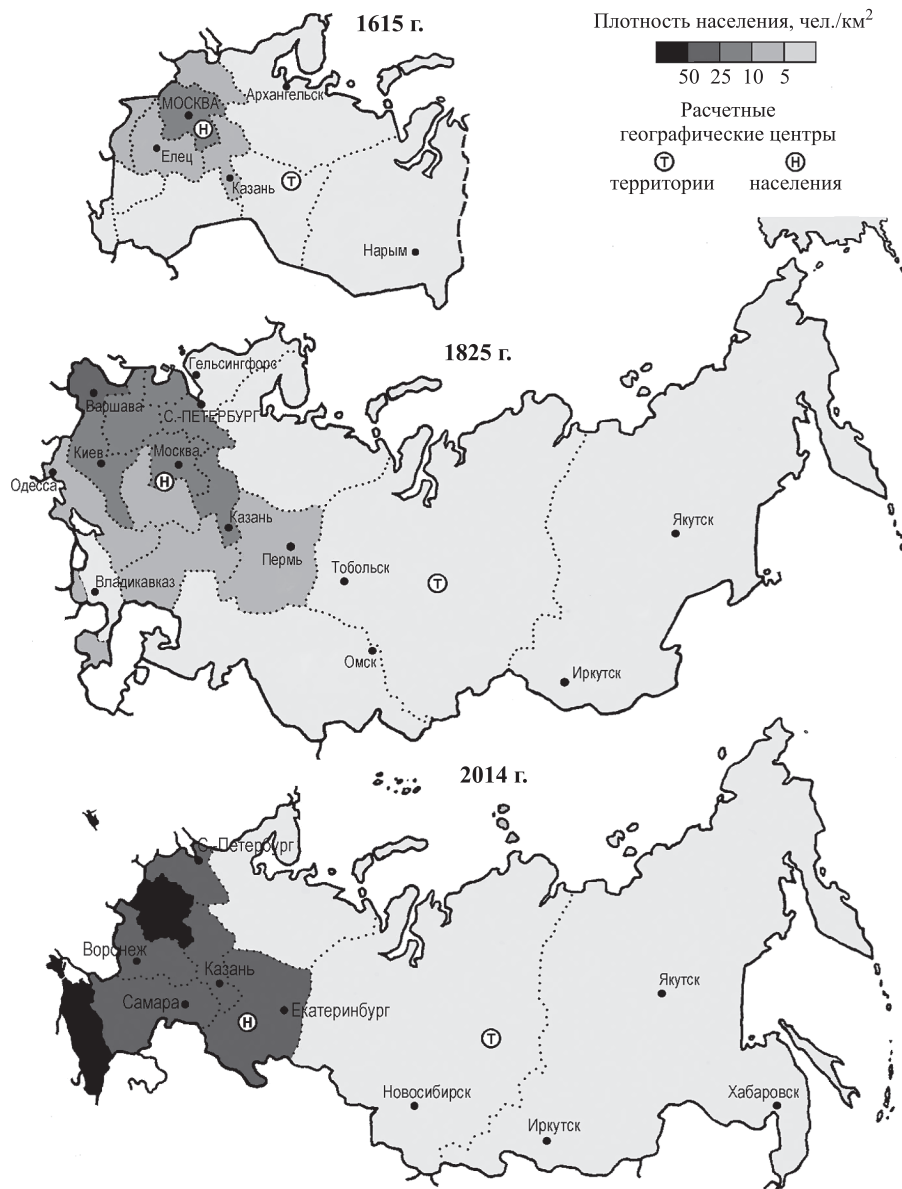

Рис. 2. Плотность населения частей Российского государства в 1615–2014 гг. и центры тяжести его территории и населения.

Источник: расчеты авторов с использованием различных историко-географических материалов.

с Россией, а он, скорее всего, возник бы при денежной форме расчетов.

Главной морской базой на Тихом океане оставался Охотск, официально утвержденный портом в 1732 г. Оттуда отправлялись корабли обеих Камчатских экспедиций. В 1799 г. там же учредили Охотскую военную флотилию. Но уже в 1812 г. главной базой Тихоокеанского флота стал основанный в 1740 г. Петропавловск-Камчатский.

В 1799 г. возникла Русско-Американская компания, чья штаб-квартира располагалась первое время в Иркутске, центре одноименной губернии, куда входил тогда весь Дальний Восток. Губерния

была образована в 1764 г. при делении огромной Сибирской губернии на две – Тобольскую и Иркутскую, чем официально оформлялось признание контрастности условий, уровня и характера освоения Западной и Восточной Сибири. Различие между ними фундаментально с позиций как физической, так и экономической географии, т.е. весьма значимо и теперь [7, 20].

По итогам XVIII в. присутствие России на севере Тихого океана и в прилегающих районах Азии носило повсеместный, хотя и очаговый характер. Первое постоянное русское поселение в Америке заложила экспедиция Г.И. Шелихова

в 1784 г. — сразу после провозглашения независимости США. На о. Ситка позже был основан город Ново-Архангельск, ставший с 1808 г. (когда были установлены дипломатические отношения между Россией и США) столицей Русско-Американской компании и своими торговыми оборотами далеко превосходивший тогдашний испанский Сан-Франциско.

По Уставу 1822 г. сибирские города были разделены на три разряда по числу жителей: многолюдные, средние, малолюдные. В Иркутской губернии, к которой, напомним, относились дальневосточные земли России вплоть до Камчатки, в группу малолюдных городов попали в Камчатском управлении — Петропавловский порт; в Охотском приморском управлении — Охотск и Гижига; в Якутской области — Олёкминск, Вилюйск, Верхоянск, Средне-Колымск. В Якутской области только Якутск попал в разряд средних городов, а ближайшим из многолюдных оказывался губернский Иркутск, южнее которого находился ряд средних городов — Нерчинск, Верхнеудинск, Троицкосавск [13].

Территориальный массив Сибири, которым страна приросла в XVI–XVIII вв., остался ее прочной и преобладающей по площади частью. Волны освоения (вплоть до “углеводородной” XX–XXI вв.) сменяли друг друга не слишком быстро, и каждая из них катилась по громадной территории в меру разведки ее богатств, обеспечения доступа к ним и вывоза более грузоемкой, чем прежде, продукции. Поэтому новые волны накладывались на не вполне “доигранные” старые чаще хронологически, чем хорологически, т.е. они не обязательно шли по тем же местам.

Центр тяжести территории страны шаг за шагом удалялся от центра ее населения, плотность которого оставалась невысокой. Процесс все же не мог продолжаться бесконечно. Местоположение центра территории российского государства менялось с начала XIX в. не очень сильно (рис. 2). С той же поры сохраняется его отрыв от центра населения на 2.5–2.6 тыс. км [15].

Енисей исторически служит не только гранью между Западной и Восточной Сибирью, но и срединной осью всей России, в том числе по уровню и характеру освоенности территории. И сегодня он выполняет роль рубежа-раздела между ее обобщенно-условным Западом и Востоком [19, 20]. Символично, что на Енисее или недалеко от него расположены крайние восточные города двух размерно-географических категорий: миллионник Красноярск и сотысячник за Полярным кругом Норильск.

XIX в. и досоветский период XX в.: старые и новые волны. В первой половине XIX в. сохранялось общее направление геополитической, экономической и научной активности на Северо-Востоке Азии и Северо-Западе Америки, сложившееся в XVIII в. С 1806 г. между Санкт-Петербургом и русскими колониями в Америке стало налаживаться морское сообщение по кругосветной схеме. Продолжались исследования Северного Ледовитого океана. В 1820–1824 гг. состоялась экспедиция к восточному побережью Сибири под руководством будущего морского министра, а в 1829–1835 гг. правителя русских поселений в Америке Ф. П. Врангеля, открывшая среди прочего остров, названный впоследствии его именем.

Процесс освоения пушных богатств Аляски и Алеутских островов шел поступательно, пока позволяла естественная продуктивность территории и акватории. Но затем исчерпание возможностей промысла морского зверя в этом регионе привело к смене вектора освоения. В середине XIX в. перед русским правительством встала проблема стратегического выбора. Можно было или продолжать освоение Аляски, заменяя первичное пушное освоение неким новым с туманной перспективой (хотя некоторые признаки наличия золота и нефти там были обнаружены), или усиливать присутствие в Средней Азии. Выгоды последнего казались более конкретными и осязаемыми: хлопок как сырье для растущей русской текстильной индустрии, те же золото, нефть и к тому же геополитические перспективы выхода к Персии, Индии и Китаю. Кроме того, аляскинское плечо отвлекало далеко не безграничные людские и финансовые ресурсы от освоения расширенной незадолго до этого южной зоны русского Дальнего Востока (Айгунский договор с Китаем был заключен в 1858 г.). Учитывая все это, правительство Александра II в 1867 г. продало Аляску Соединенным Штатам.

Характерно, что едва ли не самым горячим сторонником ухода с Аляски и концентрации усилий на Дальнем Востоке был генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. В подведомственном ему огромном крае тогда развернулся настоящий золотой бум: “золотая” волна освоения XIX в. пришла на смену старинной “меховой”, в чем-то повторяя ее темпы и географию. В 1840 г. была открыта система золотых приисков на севере Енисейского округа, в 1846 г. золото нашли в Ленском округе, в 1878 г. — в Забайкалье. На Чукотке его открыли в 1900 г. и разрабатывали с 1902 г. В начале XX в. добыча золота по объему товарной продукции занимала третье место

среди горнодобывающих отраслей России и второе место по числу занятых — 84 тыс. человек. При этом за XIX в. центр добычи с Урала переместился в Восточную Сибирь, откуда поступало 70% золота, и 92% его добычи теперь приходилось на россыпное, наиболее легко извлекаемое [17].

Эта отрасль создавала поле приложения крупных капиталов и спрос на технические инновации. Ее рост обеспечивал значительный по тем временам мультипликативный эффект в территориальном развитии: формировал новый рынок труда, причем как в самой золотодобыче, так и в обеспечивающих отраслях, способствовал развитию путей сообщения, заметно стимулировал торговлю, повышал местный спрос на продукцию сельского хозяйства.

Юг Сибири, особенно Западной, вообще охватывала “хлебная” волна, там начался аграрный бум. В 1913 г. сельское хозяйство, получив очередной импульс в ходе Столыпинских реформ, давало две трети продукции края, усилив конкуренцию на общероссийском рынке, а также контраст между Западной и Восточной Сибирью по способам освоения территорий и их специализации. Параллельно в заполярных низовьях всех великих сибирских рек — Оби, Енисея и Лены — развивалось товарное рыболовство [16], а на севере Европейской части страны перестраивались на крупнокапиталистических принципах лесная и лесоперерабатывающая промышленность.

Новые формы хозяйственного освоения территорий Севера и Арктики возникали на фоне железнодорожного бума в Европейской России и на юге Сибири (Транссиб на старте отстал от Канадской тихоокеанской дороги на 10 лет и строился дольше, но с учетом разной длины вновь вводимых линий — все-таки быстрее). Одновременно рос интерес к навигации вдоль побережья Ледовитого океана, по Северному морскому пути.

Началось формирование русского ледокольного флота с активным использованием опыта поморов по строительству кочей в XVII в. Адмирал О. С. Макаров при проектировании первого в мире арктического ледокола “Ермак” в конце XIX в. повторил форму их корпуса (как и Ф. Нансен). В 1899–1901 гг. ледокол ходил к Шпицбергену, Земле Франца-Иосифа, затем 33 года продлевал навигацию на Балтике, в 1934–1938 гг. снова работал в Арктике. Построенные в 1909–1910 гг. ледокольные пароходы “Вайгач” и “Таймыр” имели по примеру кочей ледовый пояс дополнительной обшивки выше и ниже ватерлинии. Они обеспечили работу Гидрографической экспедиции

Северного Ледовитого океана, проложив курс Северного морского пути. В 1914–1915 гг. эти суда совершили первое сквозное плавание из Владивостока в Архангельск с одной зимовкой [18]. Еще в 1913 г. экспедиция обнаружила севернее Таймыра неизвестный остров, названный Землей Николая II и позже ставший архипелагом Северная Земля. Базы арктической навигации в 1916 г. дополнил Мурманск, незамерзающий порт на севере Кольского полуострова, западный фокус арктического фасада России, ее окно в Баренцево море и, наконец, крупнейший в мире город Заполярья.

Основные выводы. Каждое из трех столетий до советского периода, начиная с XVII в., вносило что-то свое в развитие северных и арктических территорий России, подготавливая его советский рывок. Освоение исторически и географически в целом носило волнообразный характер, будучи тесно связанным с добычей и экспортом ресурсов, определявших специализацию России на глобальных рынках соответствующей эпохи. Это были пушнина и отчасти металлы в XVII–XVIII вв., золото и лес в XIX в., то же золото, цветные металлы, алмазы, различные виды топлива, от угля до природного газа, в XX в.

Важнейшую роль в развитии России эти территории сыграли в XVII в., когда пушнина была источником денежных металлов и от нее, по сути, зависел бюджет государства. Успехи освоения Севера и Арктики тогда были такими, что впечатляют и сегодня. Да и позднее Россия, оставаясь северным гигантом, не могла не уделять внимания освоению Севера.

Конечно, жить и работать там сложнее, чем в условной средней полосе и на юге страны. Высокие широты, вызовы суровой природы требуют дополнительных затрат на жизнеобеспечение, строительство и т.д., по ряду оценок — вплоть до удвоенных против средних российских. Но сопоставляя цифры стандартной статистики, можно найти смысл и оценить эффект этих вложений (рис. 3)¹. Да, Север богат территорией, местами по-прежнему пустынной. Зато его вклад в российский продукт, особенно промышленный, вдвое выше доли в населении, трудовых ресурсах, но не в потреблении: доля по розничной торговле ниже

¹ Выбраны 16 регионов с преобладанием на их территориях районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, кроме республик Тыва и Алтай, удаленных от основного пояса Севера. К 8 регионам, омываемым Северным Ледовитым океаном, добавлены Республика Коми, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский, Хабаровский и Камчатский края, Томская, Иркутская и Сахалинская области.

Рис. 3. Доля 16 северных регионов в России по избранным показателям за 2014–2015 гг., %. Составлено по данным официальной статистики.

доли по населению. А без северного сырья экспорт и государственный бюджет немислимы, как и встарь.

Критики северного крена в развитии России чаще всего ссылаются на низкие среднегодовые и зимние температуры, забывая о летних. Они повышены в середине огромного материка с его континентальным климатом и позволяли в свое время получать за короткий сезон урожаи зерна даже в Центральной Якутии на ее карбонатных почвах. В этом зерне и ряде других местных продуктов мало смысла, если надежен их подвоз с юга, но перебои межрайонного разделения труда у нас нередки. Во всяком случае, это одна из причин исторической выдвинутости российского расселения к северу.

С приполярных территорий людям и хозяйству приходилось отступать не раз. Волны развития были слишком редкими во времени и пространстве, чтобы обеспечить устойчивость всех создаваемых каждой волной очагов. Избирательность освоения после “пушной” волны нарастала. Отсюда одна из проблем Севера. Примерно одни и те же районы могли осваиваться там как бы заново, с чистого листа, ибо время успевало стереть с карты бывшие базы (такие как Мангазея). Что же делать: держаться до последней крайности, заранее планировать уход, пока он не перерос в бегство, или изобретать что-то еще? Ответ неочевиден.

Очевиднее то, что не только освоение Севера, но и уровень интереса к нему власти и общества имел волнообразную динамику, знал свои подъемы и спады. Тема требует специального изучения. Тем не менее само осознание этого факта, как нам представляется, позволяет более реалистично оценивать современную ситуацию, снова далекую от однозначности.

Благодарности. Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2015–2017 гг. “Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие”.

Acknowledgments. The article is written within the Basic Research Program of the Presidium of the RAS for 2015–2017 “Spatial development of Russia in the 21st century: nature, society, and their interaction”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин Т. Л.* Типология региональной динамики населения России в постсоветский период // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2016. С. 191–208.
2. *Всемирная история в 10 томах. Т. IV.* М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 823 с.
3. *Градостроительство Сибири* / Под. ред. В. И. Царева. СПб.: Коло, 2011. 784 с.
4. *История народного хозяйства СССР* // Под. ред. Ф. Я. Полянского, Б. П. Орлова, И. Н. Шемякина. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 664 с.
5. *История Российского Флота.* М.: ЭКСМО, 2007. 670 с.
6. *Лажинцев В. Н.* Умеренный оптимизм в оценке перспектив развития северных и арктических территорий России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2016. С. 485–502.
7. *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 304 с.

REFERENCES

8. Магидович И. П. Петр Кузьмич Креницын и Михаил Дмитриевич Левашов // Русские мореплаватели. М.: Воениздат, 1953. С. 101–135.
9. Монахов В. Г. Динамика размерной и фенетической структуры соболя в ареале. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. 201 с.
10. Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 549 с.
11. Пиласов А. Н. Города-базы арктического фронта // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2016. С. 503–528.
12. Программа “соболя” (научные исследования и практические мероприятия по сохранению соболя в России). Киров: Всерос. НИИ охотничьего хоз-ва и звероводства им. Б. М. Житкова, 2002. <http://biodat.ru/vart/doc/gef/sobol1.html>
13. Рабцевич В. В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII — первой половины XIX в. // Сибирские города XVII — начала XIX века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. С. 155–173.
14. Савченко А. Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 7–18.
15. Савченко А. Б., Трейвиш А. И. Внешняя торговля, ресурсы Сибири и их роль в формировании Российской государственной территории // Проблемы региональной экологии. 2014. № 4. С. 174–179.
16. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
17. Современный рынок золота // Под. ред. В. И. Букасто, М. Х. Лапидуса. М.: Финансы и статистика, 2004. 320 с.
18. Соломонов Б. В., Кузнецов Н. А., Золотарев А. Н. Сто великих кораблей. М.: Вече, 2012. 432 с.
19. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
20. Трейвиш А. И., Литвиненко Т. В. Восточная Россия: уточнение понятия и некоторые особенности современного развития // Региональные исследования. 2014. № 3 (45). С. 51–57.
21. Ципоруха М. И. Российские мореходы. М.: Познавательная книга плюс, 2002. 257 с.
22. Ципоруха М. И. Флотоводцы и мореплаватели Екатерины Великой. М.: Вече, 2011. 288 с.
23. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. 98 с.
24. Hill F. and Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 328 p.
25. Megatrends. Copenhagen: TemaNord, 2011. 205 p.
1. Borodina T. L. Typology of regional dynamics of Russia's population in Post-Soviet period, in *Problemy regional'nogo razvitiya Rossii. Voprosy geografii. Sb. 141* (Problems of Regional Development of Russia. Problems of Geography, Vol. 141). Moscow: “Kodeks” Publ. House, 2016. pp. 191–208. (In Russ.).
2. *Vsemirnaya istoriya v 10 tomakh* (World History in 10 volumes), Vol. IV. Moscow: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoi literatury (Publ.), 1958.
3. *Gradostroitel'stvo Sibiri* (The Urban Planning Of Siberia), Tsarev V. I., Ed. St. Petersburg: Kolo Publ., 2011.
4. *Istoriya narodnogo hozyaystva SSSR* (The history of the national economy of the USSR), Polyanski F. Ya, Orlov B. P., Shemyakin I. N., Eds. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoi literatury (Publ.), 1960.
5. *Istoriya Rossiiskogo Flota* (History of the Russian Navy). Moscow: EKSMO Publ., 2007.
6. Lazhentsev V. N. Moderate optimism about the prospects of development of northern and arctic areas, in *Problemy regional'nogo razvitiya Rossii. Voprosy geografii. Sb. 141* (Problems of Regional Development of Russia. Problems of Geography, Vol. 141). Moscow: “Kodeks” Publ. House, 2016. pp. 485–502. (In Russ.).
7. Maergojz I. M. *Territorial'naya struktura hozyaystva* (The territorial structure of the economy). Novosibirsk: Nauka Publ. (Siberian branch), 1986.
8. Magidovich I. P. Peter Kuzmich Krenitsyn and Mikhail Dmitrievich Levashov, in *Russkie moreplavatel'i* (Russian sailors). Moscow: Voenizdat (Publ.), 1953, pp. 101–135. (In Russ.).
9. Monahov V. G. *Dinamika razmernoi i feneticheskoi struktury sobolya v areale* (The dynamics of size and phenetic structure of sable in the area). Ekaterinburg: Ural Branch RAS Publ., 2006.
10. Perevalov V. A. *Lomonosov i Arktika*. (Lomonosov and the Arctic). Moscow—Leningrad: Glavsermorputy Publ., 1949.
11. Pilyasov A. N. Basic cities of the Arctic frontier, in *Problemy regional'nogo razvitiya Rossii. Voprosy geografii. Sb. 141* (Problems of Regional Development of Russia. Problems of Geography, Vol. 141). Moscow: “Kodeks” Publ. House, 2016. pp. 503–528. (In Russ.).
12. *Programma «sobol'» (nauchnye issledovaniya i prakticheskie meropriyatiya po sohraneniyu sobolya v Rossii)* (The program “sable” (scientific research and practical measures for the conservation of sable in Russia). Kirov: Vserossiiskii NII ohotnich'ego hozyaystva i zverovodstva im. B. M. Zhitkova (Zhitkov All-Russian research Institute of Hunting Management and Fur Farming), 2002. <http://biodat.ru/vart/doc/gef/sobol1.html>
13. Rabtsevich V. V. The management of cities in Siberia in last quarter of XVIII — first half of XIX century, in *Sibirskie goroda XVII — nachala XIX veka* (The Siberian city of XVII — beginning of XIX century). Novosibirsk:

- Nauka Publ., Siberian Branch, 1981, pp. 155–173. (In Russ.).
14. Savchenko A. B. Territorial Development of Russia as a Leading Exporter in Global Raw Materials Markets. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geog.*, 2013, no 2. pp. 7–18. (In Russ.).
 15. Savchenko A. B., Treivish A. I. Foreign trade, resources of Siberia and their role in the formation of the Russian state territory. *Problemy regional'noi ekologii*, 2014, no 4, pp. 174–179. (In Russ.).
 16. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* (Siberia in the Russian Empire). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (Publ.), 2007.
 17. *Sovremennyy rynek zolota* (Modern gold market), Bukato V. I., Lapidus M. H., Eds. Moscow: Finansy I Statistika (Publ.), 2004.
 18. Solomonov B. V., Kuznetsov N. A., Zolotarev A. N. *Sto velikikh korablei* (One hundred great ships). Moscow: Veche (Publ.), 2012.
 19. Treivish A. I. *Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* (City, region, country and the world. The development of Russia from the view of a geographer). Moscow: Novy Chronograph (Publ.), 2009.
 20. Treivish A. I., Litvinenko T. V. Eastern Russia: Space, role, and problems of development. *Regional'nye issledovaniya*, 2014, no 3 (45). pp. 51–57. (In Russ.).
 21. Tsyporukha M. I. *Rossiiskie morekhody* (Russian navigators), Moscow: Poznavatel'naja kniga plyus (Publ.), 2002.
 22. Tsyporukha M. I. *Flotovodtsy i moreplavately Ekateriny Velikoi* (Naval commanders and navigators of Catherine the Great), Moscow: Veche (Publ.), 2011.
 23. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* (Drawing Book of Siberia, compiled by Tobolsk seigniorial son Simeon Remezov in 1701). St. Petersburg, 1882.
 24. Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 328 p.
 25. *Megatrends*. Copenhagen: TemaNord. 2011. 205 p.